

18+ Вадим Чубаров

УЖЕ НЕ МЕЛКИЙ

Вячеслав Чубаров

Уже не мелкий

<https://litres.ru/74465562>

ISBN 9785007123525

Аннотация

Думаете, перейти в пятый класс — это просто носить ранец потяжелее? Ага, разбежались! На Колю наваливается всё сразу: девчачьи интриги на максималках, задиры ищут повод для драки, а рядом крутится подозрительно безупречный соперник. Против такой гремучей смеси кулаки не помогут — нужны острый язык, надёжная команда и смелость быть собой. Смешная, дерзкая и честная повесть о взрослении, пацанской дружбе, семье, первой симпатии и о том, как найти своих людей и понять, что ты уже не мелкий.

Содержание

ПАРЕНЁК ИЗ 5 «Д»	5
Глава 1. ЮМОР. РАБОЧИЙ МЕТОД	7
Глава 2. ГЛЫБА	11
Глава 3. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АТАКА	13
Глава 4. ТРАДИЦИИ	22
Глава 5. СЛОВО — НЕ ВОРОБЕЙ, А БЕТОННЫЙ БЛОК	30
Глава 6. ВТОРАЯ ПОПЫТКА. ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ	36
Глава 7. ФАТЕЙ ИЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ БЛЕНДЕР	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Уже не мелкий

**Вячеслав
Николаевич Чубаров**

© Вячеслав Николаевич Чубаров, 2026

ISBN 978-5-0071-2352-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАРЕНЁК ИЗ 5 «Д»

Если вам кто-то скажет, что пятый класс — это просто «чуть больше кабинетов», не верьте. Это наглая ложь. Пятый класс — это как переход из «песочницы» в «битву титанов». Вчера ты был королём началки, а сегодня — «мелкий» в огромном школьном лабиринте. Это когда из уютного аквариума ты попадаешь сразу в открытый океан, где плавают кальмары, акулы, медузы и учителя с плохим настроением, которые даже не помнят твоего имени.

Меня зовут Коля Горбунов. Фамилия так себе, согласен. В детском саду я был «Горбунком», в началке — «Горбушкой». А недавно мне стукнуло двенадцать — возраст солидный, и теперь я Горбун. Ирония в том, что спина у меня прямее, чем линейка у нашей математички, но кого это волнует, когда у людей дефицит фантазии?

Я невысокий, зато плотный. Мама говорит «сбитый», папа говорит «крепкий», а зеркало говорит, что пора завязывать с булками из столовой. Типичный «мелкий» из средней школы.

Быть пятиклашкой непросто. Здесь жизнь тебя уже потихоньку проверяет на прочность. От заносчивых школьных «императриц» до «дворовых авторитетов» за гаражами. Но я не один в этом океане. И выживать в нём буду вместе с моей командой.

В ней всё серьёзно: Лёха Глыба — мой лучший друг и наш бронированный щит, Фатей — генератор смеха, хаоса и лингвистических катастроф, Шорох — цифровой призрак, который знает о школе вообще всё, и Света — единственный человек в классе, способный удержать всю эту систему в равновесии.

Так что скучно не будет. Погнали!

Глава 1. ЮМОР. РАБОЧИЙ МЕТОД

Если вы думаете, что пятиминутная перемена — это время для отдыха, значит, вы никогда не учились в средней школе. Пятиминутка — это гиперпрыжок. Тебе нужно успеть: а) добежать до столовой, б) отвоевать последнюю булку или сосиску в тесте, в) не погибнуть в давке у расписания; г) успеть телепортироваться на четвёртый этаж в кабинет литературы.

Мы с Глыбой немного не учли, что «есть только миг между прошлым и будущим». Да и булка была слишком вкусной, а лестница — слишком узкой для нас двоих.

— Коля, мы опаздываем, — прогудел Глыба, когда мы неслись по коридору. — Эта новая «русичка»... Марина Сергеевна... Говорят, она видит сквозь стены, запросто ставит двойки и силой мысли отправляет их сразу родителям.

— Спокойно, Лёха! — на бегу выдохнул я. — Главное в нашем деле — это правильный вход. Нас спасёт «эффектное появление».

Мы затормозили перед дверью кабинета №402. Внутри — тишина. Это плохой знак. Значит, процесс «литературного вскрытия мозгов» уже начался.

Уже первого сентября, на первом уроке, Марина Сергеевна внушала нам, что литература — «зеркало души челове-

ской» и «источник вечного». А мы для неё, судя по всему, — недоросли и мелкие хулиганы, которые в это зеркало только рожи корчить умеют.

Я подмигнул Глыбе, поправил рюкзак, и мы ввалились. Ну, как ввалились. Глыба, как всегда, вошёл первым, заняв собой примерно 80% дверного проёма. Он стоял, красный от бега, с таким виноватым видом, будто только что случайно уронил школьный забор. За его широченным плечом я смотрелся как запасной игрок в команде великанов.

Класс замер. Марина Сергеевна медленно открыла журнал и строго посмотрела на нас.

— Горбунов и... — она заглянула в список, — Глымов. Какое интересное триумфальное возвращение. Вы решили, что пятый класс — это театральный кружок, который можно посещать по настроению?

Лёха Глыба издал звук, похожий на вздох раненого кита. Он стоял, опустив голову, и честно изучал свои кроссовки 43-го размера. Он у нас такой: если виноват — признает всё! Вплоть до падения Тунгусского метеорита и массового вымирания динозавров.

«Простите меня, это я на них нечаянно надышал...» — вот так прямо и скажет. И отпираться не будет.

У меня же другой подход. Я определил на глаз «уровень строгости преподавателя» и сопоставил его с тяжестью совершённого нами проступка.

Включив режим «максимальное обаяние», я сделал шаг

вперёд и сказал:

— Марина Сергеевна, мы не просто опоздали. Мы проводили важное полевое исследование.

Учительница подняла бровь. Класс зашушукался. А Фатей, наш штатный весельчак на задней парте, вытянул шею и уже приготовился ржать.

— И что же вы исследовали? Сопротивление воздуха при беге в столовую? — строго, но с искоркой интереса спросила она.

— Почти! — я серьёзно кивнул. — Мы изучали законы физики и структуру времени. Согласно этим законам, если перемена длится пять минут, а очередь за булками — семь, то возникает пространственно-временная аномалия, которую мы с Лёхой героически пытались закрыть.

И, кстати, по поводу литературы. Пока мы бежали на четвёртый этаж, я понял, что Пушкин написал строки «О сколько нам открытий чудных...» про меня и Глымова. В нашем случае чудным открытием оказалось то, что, стремясь к знаниям по литературе, Глыба может бегать с такой скоростью, что за ним даже образуется вакуум.

И хотя мы изо всех сил старались не нарушать основы мироздания и скоростной режим школы, гравитация сегодня была явно не на нашей стороне. Мы стояли перед мучительным выбором: либо мы успеваем на литературу, либо сохраняем целостность пространства. Как видите, мы немного опоздали, но зато никто не пострадал!

Класс взорвался от смеха. Даже Тефтеля хрюкнул громче обычного, а Марина Сергеевна смотрела на меня, пытаясь удержать маску строгости.

Мой богатый словарный запас, тонкий юмор и логика — это страшная сила, и было заметно, что учительница это оценила. Глыба перестал изучать обувь и робко улыбнулся, поняв, что расстрел отменяется.

— Горбунов, не трогай Пушкина. Ты втаптываешь классику в грязь, — наконец сказала Марина Сергеевна, уже не сдерживая улыбки. — У тебя не только «структура времени» нарушена, но и фантазия явно опережает программу. Садитесь, «исследователи». Но если завтра аномалия со столовой повторится — вы вдвоём будете писать реферат о том, почему Герасим не использовал логические алгоритмы при решении проблем с Муму.

— Справедливо! — бодро ответил я и потянул Глыбу к нашей парте.

Когда мы сели, Лёха шепнул мне:

— Колян, ты реально мозг. Я уж думал, нам хана и маму в школу вызовут. Как ты это делаешь?

— Элементарно Глыба, — я открыл тетрадь и хитро прищурился. — Взрослые тоже люди. Они ненавидят враньё и скучные оправдания типа «я забыл», «не помню», но обожают, когда их смешат. Лайфхак от бати. Рискованно, конечно, но это же сработало.

Глава 2. ГЛЫБА

Я в нашей команде — мозговой центр, а мой лучший друг Лёха Глымов — это наши стены, крыша и дверь из бронированной стали толщиной в дециметр. Физрук ласково называет его «основной ударной мощью», а все остальные — просто Глыбой.

Почему Глыба? Потому что Лёха — это физическая аномалия, да и фамилия у него подходящая. Ему всего лишь одиннадцать, а выглядит так, будто уже пару лет выплачивает ипотеку и по выходным перебирает движок у бабиной «Нивы». Он высокий, плечистый и обладает удивительным талантом: ему иногда достаточно просто стоять рядом, чтобы конфликт рассасывался сам собой.

Когда какой-нибудь задира решает, что мой рюкзак отлично будет смотреться на верхушке тополя, на горизонте возникает Глыба. Лёха не кричит, не машет руками. Он просто смотрит на обидчика своими честными, немного печальными глазами, в которых читается вопрос: «Зачем ты нарушаешь мировую гармонию, брат?». И задира внезапно вспоминает, что у него куча неотложных дел.

Глыба — он такой, простой, как дверь. Никаких там хитрых планов, никаких двойных смыслов. Сказал — сделал. Если он сказал «помогу», значит, точно поможет. И будет сидеть рядом. Даже над чертежами 3D-моделей, хотя они для

него выглядят как инопланетные иероглифы.

Лёха ничего не боится. Ну вот совсем ничего... кроме мамы. С ним чувствуешь себя как в чугунном танке у бабушки за спиной. Уровень защиты максимальный. А ещё он честный. Вот прямо до скрипа.

Короче, Лёха — тот самый друг, с которым не страшно, который не подведёт и который, наверное, сам ещё не знает, какой он классный. С ним всегда можно быть собой. И даже если я что-то напортачу, он, скорее всего, просто покачает головой, вздохнёт и скажет: «Ну ты даёшь, Николай!». А потом поможет вырулить из ситуации.

Глава 3.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АТАКА

С Лёхой мы подружились не как все нормальные люди. Не в столовой, не на физре, даже не за партой. Мы подружились через драку. Но это была не простая драка.

Дело было во втором классе. Я всегда был любознательным до ужаса. Всё, что попадало в мою голову, там задерживалось ненадолго, потому что я сразу начинал этим делиться. Мне нужно было с кем-то обсуждать, спорить, доказывать.

И вот я узнал про отрицательные числа. Это была бомба. Я сидел вечером с книжкой по математике (да, я во втором классе читал книжки по математике, не смейтесь), и вдруг — бац! — числа, которые меньше нуля. Минус один, минус два. Температура зимой. Долги. Глубина моря.

Я залип. Как это — меньше нуля? Ноль — это же ничего. А минус один — это меньше, чем ничего? Я перечитал пять раз, потом нарисовал на листочке числовую прямую, потом представил градусник. И понял. Не то чтобы понял — я почувствовал. Как в тот момент, когда ты нажимаешь на выключатель и лампочка загорается. Щёлк! И она работает.

Но самое страшное — эта информация не могла удержаться у меня в голове. Она там бурлила, пенилась и требовала выхода. Мне нужно было срочно кому-то рассказать. Ко-

му-то, кто будет спорить. Потому что, если человек сразу соглашается — это же скучно. А мне нужен был настоящий бой.

Я выбрал Лёху.

Лёха был самым большим в классе и выше всех на голову. А ещё он был убеждён, что если чего-то нет в учебнике, то этого не существует. А в учебнике для второго класса отрицательных чисел, сами понимаете, не было. Вообще. Их проходят аж в шестом классе! Но я же не мог ждать несколько лет! У меня информация кипела!

На перемене я подошёл к Лёхе. Он сидел на подоконнике и грыз яблоко. Я встал напротив и сказал:

— Есть числа, которые меньше нуля.

Лёха перестал жевать. Посмотрел на меня. Яблоко замерло у рта.

— Чего?

— Числа, которые меньше нуля, — повторил я. — Минус один, минус два. Они существуют.

— Не бывает, — сказал Лёха и откусил яблоко. Так уверенно откусил, будто этим хрустом доказывал мою неправоту.

— Бывает, — не отставал я. — Вот градусник. Зимой минус десять. Что, не веришь?

— Градусник показывает холод. А холод — это когда нет тепла. Это ноль. А не минус.

— Так минус — это когда холода больше, чем тепла!

— Холода не может быть больше, чем ничего, — отрезал Лёха. — Это глупость.

У меня внутри всё закипело. Как хорошо, что он спорит! Как здорово, что не соглашается! Я начал сыпать аргументами. Про долги, про глубину и опять про температуру. Лёха слушал, хмурился, доедал яблоко и качал головой. Я иссяк и ждал его ответа.

— Это всё выдумки, — сказал он, когда я закончил. — В учебнике такого нет.

— А если нет в учебнике, значит, нет?

— Значит.

— А про микробов в учебнике есть?

— Есть.

— А раньше не было. И что, микробов не существовало?

Лёха задумался. Это была моя лучшая атака. Я видел, как в его голове что-то скрипит и поворачивается. Но он не сдавался.

— Микробы — это одно, — сказал он. — А числа — другое. И вообще, числа придумали люди. И отрицательных чисел нет!

— Есть! — закричал я. — Вот ноль придумали! А его нет!

— Ноль есть! — закричал Лёха в ответ. — Это ничего!

— Вот именно! Ничего — это уже что-то! Это понятие!

— Понятие — это не число!

— Число!

— Не число!

Мы стояли друг напротив друга, и я чувствовал, что ещё немного — и я взорвусь. Мне нужно было доказать. Обязательно. Я знал, что прав. Я это чувствовал.

— Давай проверим? — сказал я.

— Как?

— Допустим, ты должен мне яблоко. Тогда сколько у тебя яблок?

— Ноль, — сказал Лёха. — Я же должен, а у меня ничего нет.

— Но ты же должен! Это математически означает, что у тебя минус одно!

— Не означает! Ты сам придумал!

— Не придумал! Это правило!

— Это не правило! Это чушь!

И тут я его толкнул. Не сильно, скорее для привлечения внимания. Но Лёха был на взводе и любое прикосновение воспринимал как атаку. Он толкнул меня обратно. Я — его. Он — меня.

Мы сцепились. Катались по полу, пыхтели, пытались друг друга придавить. Но, знаете, в этой драке не было злости. Вообще. Я не хотел сделать ему больно, а он — мне. Мы просто продолжали спор на языке, который тогда нам казался убедительным. Я пытался доказать существование отрицательных чисел с помощью локтей, а Лёха — опровергнуть с помощью коленок.

Честно говоря, смешно было со стороны. Два второкласс-

ника: один большой, другой не очень, валяются на полу и выясняют, бывают ли числа меньше нуля.

Нас быстро растащили. Какая-то учительница, пробежавшая мимо, схватила нас за шиворот и поставила рядом.

— Вы что, подрались? — спросила она строго.

— Да, — сказал я.

— Нет, — сказал Лёха.

— Так да или нет?

— Мы спорили, — объяснил я. — Про отрицательные числа.

Учительница посмотрела на нас, поискала синяки. Синяков, кстати, не было. Совсем. Потому что мы не били — мы толкались. Как щенки, честное слово.

— Отрицательные числа? — переспросила она.

— Да, — вздохнул Лёха. — Он говорит, что они есть, а я говорю, что нет.

Учительница засмеялась. Не зло, а по-доброму так.

— Мальчики, — сказала она. — Отрицательные числа есть. Их проходят гораздо позже. Так что Коля прав.

Я аж подпрыгнул. А Лёха нахмурился.

— Но в учебнике для второго класса их нет, — сказал он.

— Учебник выдают по частям, чтобы ваш мозг не перегрелся, — объяснила учительница. — Но они существуют. Поэтому не деритесь из-за того, что есть на самом деле. А теперь марш в класс, «академики». Ещё раз увижу такой «научный симпозиум» на полу — будете мыть его целую неде-

лю.

Мы стояли в коридоре. Я победно смотрел Лёхе в глаза. Он вздохнул, почесал затылок и сказал:

— Ладно, Колян. Если учительница сказала, что они есть — значит есть. Но это всё равно какая-то дичь. Иметь меньше, чем ничего... Это как-то не по-пацански.

— Математике плевать на пацанские понятия, Лёх, — философски заметил я. — Она просто работает.

Потом мы пошли в класс. По дороге он спросил:

— А как эти твои минусы работают? Сложить там, отнять?

Я начал объяснять. Лёха слушал, хмурился, но уже не спорил.

А когда я закончил, он сказал:

— Ладно. Может, и есть такие числа. Но я их всё равно не люблю.

— А им это без разницы, — сказал я. — Они просто есть.

— Ну и ладно, — сказал Лёха. — Пошли яблоки есть.

С тех пор мы команда. Недавно мы вспоминали эту историю. Лёха сказал:

— А ведь нас тогда даже не поругали.

— А за что? — удивился я. — Драка же была на почве интеллектуального спора.

— Это ты сейчас придумал, — засмеялся он.

— А вот и нет! — сказал я. — Это я ещё тогда придумал. Просто вслух не говорил.

— Врёшь, — сказал Лёха.

— Не вру, — сказал я.

— Точно врёшь, — повторил он, но уже без уверенности.

— А давай проверим? — предложил я.

— Как?

— Ну... Подерёмся?

Мы посмотрели друг на друга и заржали. Потому что драться нам больше не хотелось. А спорить — это мы всегда, пожалуйста.

Так и живём: я придумываю идеи, а Глыба их прикрывает. Он иногда считает мои приколы странными, но всегда говорит: «Николай, ты, конечно, даёшь... но я с тобой».

Бывают люди-плюсы, бывают люди-минусы. А Лёха Глымов — это такая надёжная «скобка», которая защищает всё, что внутри неё. Со скобками решать задачи гораздо проще.

Наверное, это и есть дружба. Когда тебе верят и не бросают, даже если сначала кажется, что это глупость. А ещё бывает, когда дерутся не от злобы, а из принципа. И после такой драки выясняется, что синяков нет, и обиды нет... А правда есть. И надёжный друг тоже.

Глава 4. ТРАДИЦИИ

В школе каждый день как в компьютерной игре на максимальной сложности. В классе надо на шаг опережать учителей, во дворе — держать удар и не вестись на «слабо», а на самбо — буквально бороться за то, чтобы не вписаться головой в ковёр. Короче, полный улёт и никакого покоя. Весело, динамично и вообще без паузы. Зато дома можно наконец-то вырубить режим выживания и просто выдохнуть. Дома свой мир, свои законы, своя атмосфера и традиции.

Днём у каждого свои дела. Папа постоянно что-то разрабатывает в мастерской или колдует над 3D-принтером. Мама реализует свои проекты через интернет. А я пытаюсь не принести из школы случайную двойку за забытый дневник.

У папы насчёт успеваемости есть своя железная логика. Он вообще считает, что гаджеты превращают мозги в желе, поэтому за моим экранным временем следит строже, чем пограничник на таможне. А когда в дневнике материализуются оценки «не очень», папа с улыбкой выдаёт свою любимую фразу:

— О, снова «священные двойки»! Они пришли, чтобы спасти твой мозг от цифрового тумана!

Схема у нас простая и суровая, как гравитация: если за неделю у меня скопилось больше двух неисправленных двоек, мой телефон традиционно отправляется в «бан» и смо-

жет вернуться обратно, если перекрыть этот позор нормальными оценками. Поэтому у меня есть два пути: либо учиться как отличник-ботаник (что физически тяжело), либо включать гений дипломатии и выкручиваться на ходу.

Например, когда учительница по истории уже заносит ручку над дневником, чтобы вклеить мне «неуд» за забытые даты, я не паникую, а делаю честные-пречестные глаза и с трагизмом в голосе шепчу:

— Ольга Сергеевна, имейте сострадание, пожалейте папу! Он увидит двойку и решит, что «Тырнет» меня поглотил, я променял мозги на лайки, меня искушали блогеры, и теперь бросаю самбо и иду в балет. Давайте лучше к понедельнику я вам нарисую карту Куликовской битвы в 3D?

Ольга Сергеевна улыбается, вздыхает, ручка замирает в воздухе... И вуаля! Телефон спасён, а папины «священные двойки» отправляются обратно в мир древнегреческих мифов.

Выживаем как можем!

А ещё на территории нашей квартиры действует языковой контроль. Вообще-то, родители это задумывали, чтобы отучить меня часто использовать пару слов-паразитов из школьного лексикона. Применять их в разговоре с пацанами в школе или улице допускалось, а вот дома — ни-ни. Культура речи!

Решили, что запрет должен распространяться на всех. Это честно. Постепенно под запрет попали и другие «пацанские»

слова, современная сленговая дичь и, конечно, все слова покрепче. Правило простое: один нелитературный промах — добро пожаловать на финансовые санкции! Минус десять рублей.

Оказалось, что для меня это вообще изи-уровень. Я легко переключаю словарный запас с дворового на домашний. И эта традиция стала для меня просто золотой жилой. Ходить по квартире с видом налогового инспектора и кошмарить родителей за русский язык — это кайф высшего уровня.

А вот папе приходится туго. Особенно когда он ковыряется со своими железками или когда 3D-принтер на восьмом часе печати вместо красивой детали решает выдать моток пластиковой лапши. Вообще-то он культурный человек, но такие моменты его внутренний филолог умирует стоя.

Из мастерской доносится горестный выдох, а потом:

— Да что за х... творится? Это ж... какая-то. Чтоб тебя... Э-э-э... Да ёжики зелёные... В смысле... Блин!

Судя по тому, что папа резко переключился на «ёжиков», в мастерской накрылась очень важная деталь.

— Пап! — тут я возникаю в дверях быстрее, чем уведомление в телефоне, с самой доброй улыбкой. — Четыре промаха. Итого с тебя сорокет нашему «Культурному центробанку». Внесите в кассу!

Из кухни доносится тихий мамин смех, и она пытается заступиться — Коля, может, хоть разок, сделаем папе скидку за массовость?

Папа смеётся — Нет, Наташ, это так не работает. Правила одинаковы для всех. Никаких исключений. Финансовый контроль у Николая работает чётко, без скидок и выходных! Зато в этом есть один огромный плюс — я всегда точно знаю, что сын слышит каждое моё слово.

Потом папа смотрит на меня как на кассовый аппарат в коллекторском агентстве, вздыхает и тянется к кошельку. Он у нас сейчас в таком глубоком финансовом минусе, что, кажется, спонсирует мои карманные расходы на месяц вперёд.

Поверьте мне — метод реально рабочий! Когда за каждое «некрасивое» слово приходится платить из своего кармана, мозг начинает подбирать исключительно литературные шедевры. Очищать семейную речь — это не только полезно, это капец, как прибыльно.

Есть у нас в семье ещё одна классная традиция: в девять вечера начинается «Сынский час». В это время из кухни на всю квартиру пахнет маминым шедевральным шоколадным пирогом, а вся электроника отправляется в спящий режим. Телефоны — на тумбочку, планшеты — в сторону, телевизор — на «вкл.» не нажимать. Без вариантов!

Мы просто собираемся в одной комнате и рубимся в настолки или просто болтаем обо всём подряд. Никогда не знаешь, с чего разговор начнётся, а также чем и когда он закончится. Запретных тем нет. Я обожаю закидывать родителям самые странные вопросы, а они только рады порассуждать. На любой мой самый безумный вопрос у них всегда найдёт-

ся парочка доходчивых и смешных ответов.

Недавно они рассказали, что познакомились ещё в школе.

Мама в своё время реально удивилась — как их общение с папой заладилось сразу, очень легко и просто. А ведь к маме тогда подкатывали самые разные персонажи.

Нет, конечно, откровенные хулиганы и придурки обходили её стороной — у них для нормального разговора с ней просто не хватало интеллекта, а вот из тех, кто посмелее, желающих познакомиться было немало. Но они постоянно выпендривались, лезли из кожи вон и вечно чем-то хвалились, чего-то строили из себя. Самоуверенные «парни-павлины» предпочитали крутиться возле самых ярких, громких и показушных девчонок. А мама такой не была никогда.

На фоне тех парней, папа был совершенно другим. Он был настоящим. Честным и понятным. Без всяких выкрутасов. Он не подстраивался под мамино окружение, не пытался всем понравиться или выглядеть круче, чем есть на самом деле, и ни с кем не соревновался за её внимание. Он был интересен сам по себе и всегда оставался собой — даже когда это было не очень эффектно. И, как ни странно, именно это и зацепило маму больше всего.

Сам папа со смехом признался, что он долго присматривался к маме. Осторожно расспрашивал о ней общих знакомых и буквально изучал всё, что с ней связано. А чем больше узнавал, тем больше она ему нравилась. Поэтому, когда он всё-таки решился подойти, разговор пошёл сам собой —

хотя батя говорит, что внутри жутко волновался.

Мне иногда странно слушать пацанов во дворе, у которых родители вечно выясняют, кто главнее, и орут из-за любой ерунды. У нас такой сценарий даже не загружается. Мои вообще не ссорятся!

В моей семье всё просто. Папа — настоящий глава семьи. Он сильный, умный, серьёзный и надёжный. Всегда выслушает мнение каждого, но его слово — последнее. И весит оно больше, чем мой школьный рюкзак во вторник!

А ещё у папы золотые руки. Если что-то в доме перестало работать — велосипед, розетка или нужно спланировать стратегию на соревнованиях по сборке головоломок, — это к нему. Папа обязательно всё придумает и исправит, а заодно и настроение поднимет.

Мама у нас вообще классная. Она добрая, спокойная и очень красивая. Ей достаточно лёгкого макияжа, и хоть сейчас на обложку журнала. У неё нежный, приятный голос и ещё она пахнет чем-то очень вкусненьким. А самое главное — глаза. В них всегда горит огонёк тепла, лёгкой хитринки и едва заметного беспокойства за близких. Они подмечают вообще всё! От её взгляда не скроешь ни тройку по математике, ни синяк, ни съеденную втихаря конфету.

Мама никогда и не борется с папой за лидерство. Ей это просто не нужно. Она говорит, что папа ответственный, он тщательно обдумывает свои решения, предвидит последствия и всегда выбирает для семьи самое лучшее из возмож-

ного, поэтому она ему просто доверяет.

Зато у мамы есть какое-то тонкое женское чутьё — женская интуиция. Папа может долго строить логические цепочки, анализировать схемы, графики и логику, а мама посмотрит на ситуацию, с другой стороны, и подмечает то, что он пропустил. Потом улыбнётся и потихоньку скажет всего одну фразу, но эта фраза попадает точно в десятку!

Батя — мужик умный. Он очень ценит мамины советы и знает, что к её чутью нужно прислушиваться с особым вниманием. В итоге у них идеальный расклад: папа отвечает за железобетонную логику, а мама — за мудрость и точность деталей.

А ещё я люблю наблюдать, как общаются мои родители. Это отдельный аттракцион: смесь серьёзных разговоров и шуток. Но если честно, юмора там всё-таки больше: подшучивают друг над другом, безобидно подкалывают и разыгрывают.

Слышали выражение — «понимают с полуслова»? Берите выше: мои могут общаться вообще без слов. У них есть какая-то своя секретная система сигналов. То взгляд чуть дольше обычного, то немного затянувшаяся пауза в разговоре, то медленный выдох... Я эту систему вижу, чувствую, но разгадать никак не могу.

Вот случай. Я хотел схитрить и лишний часок позалипать в телефоне. Решил действовать через маму, и у меня это почти получилось провернуть. Но она поймала короткое дви-

жение папиной брови. Буквально за пару секунд у них произошёл молчаливый диалог глазами. И всё... Экран погас. А я с улыбкой уже иду восстанавливать гармонию тела и пространства (убираюсь в своей комнате и качаю пресс).

Как они это делают? Не понимаю. Секретные разработки, не иначе.

Хотя, если честно, я считаю, родители всё правильно делают. Никаких претензий. Гаджеты сильно затягивают, и если нас не ограничивать, мы из них сами вряд ли вылезем. У меня честное разрешение на полтора часа в день, и знаете, если не тратить время на всякую ерунду, этого времени для нормальных игр вполне хватает. Приятно понимать, что родителям не всё равно и они искренне переживают за моё будущее.

Так и живём. Бывает сидишь вот так на кухне, крутишь кубик Рубика, смотришь на них, а внутри разливается абсолютное спокойствие. Потому что знаю — стоит мне реально влипнуть в передрагу или просто позвать на помощь — они сразу окажутся рядом. Папа бросит свои железки, а мама свернёт проекты. Не будет никакой паники, орангутаньих воплей, забегов по потолку или выяснения отношений. Всё будет работать чётко, спокойно и слаженно, как единый механизм.

Вот такая моя семья. Моя команда.

Глава 5. СЛОВО — НЕ ВОРОБЕЙ, А БЕТОННЫЙ БЛОК

Когда я шёл первый раз в первый класс, я наивно полагал, что школа — это место для знаний. Типа учебники, доска, учительница с указкой. Не-а. Оказалось, что школа — это джунгли.

И в этих джунглях завелись два особо надоедливых примата.

Знакомьтесь: Штырь и Тефтеля.

Штырь — он же Дима Штырёв. Когда он тупит, то становится похож на оголодавший скворечник. Худой и с вечно открытым, слюнявым ртом. Волосы рыжие, всклокоченные, будто он их месяц не мыл. Носит очки с толстыми стёклами, которые поправляет каждый раз перед тем, как ляпнуть гадость. Это у него такой тик, что ли. Или ритуал. Типа «сейчас я наговорю гадостей, а вы пока стойте и слушайте».

Тефтеля — Лёва, дружбан Штыря: коренастый, круглый, со щеками, которые краснеют, даже когда он не бегал. Его визитная карточка — жилетка с карманами. Не просто жилетка, а склад барахла. Чего там только нет. В одном кармане канцелярские кнопки, в другом пенопласт, в третьем — катушка ниток и гайки «на 13». Однажды я видел, как из неё выпалдохлый жук. Лёва сказал: «Это для гербария». Я не

поверил.

Вместе они — классический дуэт. Штырь придумывает пакости, Тефтеля исполняет. Оба бьют исподтишка. Оба до ужаса боятся, если им ответят. Учиться не умеют, драться тоже... пока не умеют, но «орлы»!

Первая неделя: они ржали с моей куртки.

— О, Горбун в пиджаке пришёл! Как на свадьбу! А невеста где?

Я промолчал. Куртка как куртка. Тёплая, удобная. Не моя проблема, что они в своих ветровках мёрзнут.

Вторая неделя: Лёва «случайно» пролил сок в мой рюкзак. Прямо из горлышка, целился минуты три, но сделал вид, что споткнулся. Я вытер, достал мокрую тетрадку и промолчал.

На третьей неделе они перешли черту.

Перемена. Я стою в классе у окна, смотрю, как во дворе грузовик разгружают. Интересно же. И тут слышу за спиной:

— Слышь, Гробовский.

Они специально коверкают мою фамилию. Думают, это смешно.

Я оборачиваюсь. Штырь стоит в своей любимой позе — вполоборота, плечо вперёд, типа «я тут мимо проходил, но случайно решил тебя унижить». Очки на самом носу. Руки в карманах.

— Слышь, ты чё такой дерзкий? — говорит он громко, чтобы все слышали. — Мамке своей дома будешь рассказывать, какой ты крутой, а здесь мы решаем, кто прав.

Тефтеля выдвигается из-за его спины, как надувной батут. Пузо вперёд, жилетка топорщится.

— Чё ты дёргаешься? Сдулся? — добавляет он. — Мы ж тебя просто предупреждаем, на всякий случай. А то знаешь, бывает больно...

И тут я чувствую этот холодок в животе. Знакомый такой. Страх. Папа говорит, это адреналин. Организм готовится к драке или бегству.

Бежать не хочется. Драться тоже пока необязательно. Есть другие варианты. Но слова в голове путаются, и я вообще не знаю, что буду делать.

Когда Глыба рядом, с такими вопросами проще. Я знал, что он уже закрывал бы меня своей мощной фигурой, но Глыбы рядом не было. И я понял: пришло время учиться самому разруливать такие ситуации. Больше не хочу надеяться на друга. Нечестно это как-то...

Я вспомнил папины слова: «Хищник чует твой страх. А ты не ной, не беги — смотри в глаза. Если с ходу не знаешь, что делать, сбей противника с толку — сделай что-то неожиданное».

Надо пробовать! И я... засмеялся! Громко, по-настоящему.

Смотрю на Тефтелю — он опешил и потерялся, ничего не понимает и отводит взгляд. Потом посмотрел на Штыря и опять же неожиданно даже для самого себя начал нести какую-то дичь. Главное — уверенный голос.

— Диман, — говорю я заметно спокойнее и уже намного смелее, так, чтобы слышал весь коридор. — Ты, когда задиаться в следующий раз начнёшь, сначала план запиши, чтобы не забыть, что будешь делать. А то в прошлый раз вы с Лёвой хотели стул испачкать математичке, а сели на него сами. Вот смеху-то! Я видео в сети видел. Уже три лайка, между прочим.

Тефтеля побагровел так, что его щёки стали одного цвета с формой уборщицы. Штырь дёрнул щекой — это у него нервное. И рот у него отвис больше обычного. Его мозг явно не успевал обрабатывать входящую информацию.

— Чё ты втираешь? — голос у него сел на полтона. — Нет никакого видео.

— Да ну? — я улыбнулся. — А чего тогда у тебя руки трясутся? Ты врёшь! Ты, когда врёшь, всегда очки поправляешь. Это все знают. Смотри, даже первоклашки заметили.

Я кивнул в сторону малышни, которая столпилась у двери. Они захихикали. Штырь отдёрнул руку от очков, как будто они раскалённые.

Публика перетекала на мою сторону. Тефтеля это почуял и решил перехватить инициативу:

— Ты, Горбовский, вообще чё о себе думаешь? Да мы тебя...

— Давай, — перебиваю я, глядя ему прямо в переносицу. — Только сразу скажи: ты один будешь драться или Штыря позовёшь, чтобы он из-за угла советы давал? Потому что

один ты даже сдохлым жуком из своего кармана не справишься.

Тефтеля замер. Это чистая правда. Он без Штыря — не боец. Без него он — просто толстый мальчик с жилеткой, набитой мусором.

Штырь, тоже сообразил, что если сейчас ко мне полезет, то получит. Я сильнее и быстрее. И они оба знают, что на самбо хожу. Не то чтобы я чемпион, но «бросок через пупок» показать сумею.

Они так и не успели прийти в себя и понять, что произошло.

Штырь дёрнул Тефтелю за рукав:

— Всё, пошли. Потом с ним разберёмся.

— Ага, обязательно. — говорю я. — Только сначала разберитесь, как вы сейчас облажались. А когда разберётесь, не забудьте облажаться снова. И ещё, Тефтеля, вытряхни жилетку, а то у тебя оттуда вонь такая, как будто там помойка.

Я отчётливо увидел, как оба этих персонажа пытались осмыслить, что я им сказал, и окончательно зависли. Потом медленно повернулись и, оглядываясь, пошли на свои места.

Класс заржал. Даже учительница физики, которая проходила мимо, улыбнулась краем рта.

На следующий день Штырь и Тефтеля сделали вид, что ничего не было. Ещё неделю шипели в мою сторону, но близко не подходили. А потом мне рассказали, как Штырь кому-то сказал:

— С Горбовским чего-то случилось, и с ним лучше не связываться. Он и словом, и интеллектом завалить может. А если сильно достать, то может и рукой.

Я усмехнулся. И подумал: вот и всё. Ни одного удара, ни одной жалобы учителям. Просто пара фраз, неожиданность, юмор и полный карман спокойствия.

Знаете, что я понял? Хулиганы — они как дворовые собаки. Чуют того, кто их боится. А ты не бойся. Ответь один раз спокойно и с достоинством. Неожиданно и с юмором — тогда они отстанут. Потому что против остроумия у них оружия нет. Ну а если юмор не сработает (так тоже бывает) — вмажь. Это тоже вариант. Главное — не молчи. Они молчание за слабость принимают.

Но я, конечно же, ошибся. Одного раза точно недостаточно.

Глава 6. ВТОРАЯ ПОПЫТКА. ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ

После той истории Штырь затаился. Не то чтобы он меня испугался — скорее, он перегруппировался. Как таракан, который понял, что на него наступили, но не насмерть, и теперь думает, как вылезти из-под тапки.

Тефтеля, естественно, за ним. Они же как две половинки одной бестолковки: один глупость придумывает, второй поддакивает.

Они выбрали новую тактику: не нападать, а изводить. По чуть-чуть. Каждый день по капельке. Как ржавчина. По мелочам.

То Штырь «случайно» задевал меня плечом в коридоре, когда я шёл мимо. То Тефтеля громко смеялся, когда я доставал учебник. Всё это с ехидной улыбкой и косыми взглядами. Потом они осмелели и начали комментировать уже вслух:

— Смотри, Горбовский опять в своей бабушкиной куртке.

— А ты видел его шапку? Он её, наверное, с бомжа снял в подворотне.

Я молчал. Но не потому, что боялся — я копил. Как ёжик иголки. Потому что, если отвечать на каждую мелочь — они победят. Надо ответить один раз, но так, чтобы они сами за-

хотели замолчать.

Момент настал на большой перемене.

Я достал яблоко и только собирался его откусить. И тут подкатывают. Штырь — впереди, Тефтеля — чуть сзади, как верный танк. У Штыря очки блестят, руки в карманах, подбородок задран.

— Слышь, Горбовский, — голос громкий, на весь коридор. — Ты чё, яблоки с земли подбираешь? Мамка дома жрать не даёт? Или ты на диете? Ой, точно, ты же у нас спортсмен. Самбист недоделанный.

Тефтеля хихикнул. Громко, как чайка над помойкой.

Я медленно повернулся. Встал и улыбнулся. Я смотрел на них, как на тех самых тараканов под тапками. Рассмотрел с ног до головы сначала Штыря, потом Тефтелю. Потом снова Штыря. И решил применить их же метод. Так сказать, поговорить с ними на их языке. Высмеять при всех, но не примитивно, как они, а красиво и доходчиво.

— Диман, — сказал я спокойно. — А ты, когда последний раз себя в зеркало видел? Не то, маленькое и кругленькое, в котором ты перед уроками причёску делаешь, а нормальное, большое?

Штырь опешил.

— Чё?

— Я говорю, как ты мой внешний вид комментируешь? Ты, у которого волосы вечно мокрые, как у утопленника. Ты, который вечно ходит с жёлтыми, нечищеными зубами, в ко-

торых застрял вчерашний завтрак. Ты, у которого кроссовки такие грязные, как будто гулял в них по свинарнику целую неделю. И выглядишь ты в них как балерина в валенках.

— Да ты чё... — начал он, но я не дал продолжить.

Папа меня научил, что в такие моменты слушать вообще ничего не нужно, а только самому говорить.

— И ты, Тефтеля, — перевёл я взгляд. — Ты, который выглядит как тумбочка, за которой прячут веник во время ремонта. У которого в жилетке больше мусора, чем на городской свалке. Рукава в соплях, потому что платком так и не научился пользоваться. И ты ещё смеёшься над моей шапкой? А сам-то свою шапку, наверное, для рыбалки купил, чтобы червей в ней хранить.

Тефтеля открыл рот. Закрыл. Открыл снова. Побагровел так, что его лицо стало напоминать знак «Осторожно, огонь».

— Я... — выдавил он.

— Что «ты»? Ты ничего, — резко перебил я, ещё громче, чтобы слышали все. — Вы оба — ничего. Вы думаете, что крутые, потому что вдвоём на одного наезжаете? Думаете, что орлы? А на самом деле — два «курёнка на минималках», которые только пишат. Газу много — ходу мало.

Штырь дёрнул щекой. Попытался поправить очки, его рука дрожала, и очки съехали набок. Тефтеля сжал кулаки, но сделать шаг вперёд не решился — побоялся.

— Ты... ты зачем мою маму трогаешь? — вдруг выдал

Лёва.

Я аж поперхнулся от неожиданности. Может, он тоже хотел попытаться сбить меня с толку или просто ляпнул невпопад, но на секунду я всё-таки замешкался, а потом собрался и продолжил:

— Лёва, ты не передёргивай. Я только про тебя говорил. Это все слышали. Или ты сам понял, что спорить нечем, и решил стрелки перевести? Не прокатит.

Тефтеля замер. Его маленькие мозги судорожно пытались найти ответ, но — пусто. Штырь тоже молчал. Он привык, что его боятся просто так. Привык, что его гадости проглатывают. А тут ему отвечают. И ещё смеются над ним. Причём не зло — а так, легко, как будто он муха на стекле.

Вокруг уже собралась толпа. Кто-то из младших захихикал. Я заметил краем глаза, что даже старшеклассник, который обычно спит на подоконнике, приоткрыл один глаз и слушает.

— Слышь, Горбатый, — Штырь нашёл наконец слова. — Ты чё такой борзый? Мы ж тебя...

— Что? — спросил я спокойно. — Побьёте? Только давай по-честному, по одному. Прямо здесь. Сейчас. Между собой только решите: кому из вас первому мне нос набок повернуть? Тебе, Диман, с руками как палки? Или тебе, Лёва, который даже до турника допрыгнуть не может?

Я здорово рисковал, но всё же сделал полшага вперёд. Не угрожающе, просто чтобы проверить реакцию. Я видел, что

это их предел, и держал кулаки наготове, понимая — дальше может начаться драка, но...

Штырь попятился. Тефтеля — за ним. Как два бильярдных шара, которые толкнули кием.

— Всё, можете мне не отвечать, — сказал я. — Вы уже всё сказали. Своими ногами.

Развернулся, взял яблоко и пошёл прочь.

Сзади тишина. Ни хихиканья, ни шёпота. Просто два зависших хулигана, которые не знали, что сказать.

Краем уха я слышал, как Тефтеля тихо спросил:

— Диман, а чё терь делать?

— Заткнись, — прошипел Штырь. — Надо план менять.

План они не меняли. Они вообще ничего не делали две недели. Потому что поняли: против языка, который работает быстрее их кулаков, у них нет приёмов.

А ещё я понял: если хочешь разрушить их планы — говорить нужно при всех. Не шёпотом. Не в углу. А громко, с улыбкой и так, чтобы каждый слышал и увидел, кто тут на самом деле клоун. Говорить нужно честно и смело. Не нужно их слушать — только самому говорить. Иногда, чтобы всё закончилось, бывает достаточно пары точных фраз и уверенной улыбки.

Здорово, что и в этот раз кулаки не понадобились. Хотя я был готов защищать себя не только словом, но и делом.

Глава 7. ФАТЕЙ ИЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ БЛЕНДЕР

Если бы энергия чистой дурасти могла вырабатывать электричество, Антон Фатеев, которого весь класс знает как Фатея, мог бы в одиночку освещать целый район, включая фонари и вывеску круглосуточной пельменной. А если бы ещё и гиперактивность можно было разливать по бутылкам и продавать, он стал бы богаче Илона Маска.

Фатей — это не просто человек, это стихийное бедствие в кедах. Внешне он напоминает карандаш, который пытались заточить топором, а потом грызли три поколения школьников: худой, жилистый, вечно в движении, оттого и всклокоченный.

Волосы у него живут своей жизнью. Они такие жёсткие, что на них можно ловить Wi-Fi, и всегда торчат в разные стороны, будто Антон каждое утро начинает с того, что суёт пальцы в розетку — чисто для подзарядки мозгов.

Его карманы — это вообще отдельная экосистема: там всегда что-то шуршит, там живут огрызки ластика, пружинки от ручек, липкие фантики и детали, которые он «где-то нашёл, потому что они плохо лежали». Фатей, как воздушный шарик — яркий, шуршащий и вечно летящий куда-то по сквозняку.

Антон Фатеев — новенький. Он ворвался в наш класс в прошлом году, как стая воробьёв в кабинет химии: шумно, бестолково и с непредсказуемыми последствиями. По фамилии мы прозвали его Фатеем.

Его главный талант — это не фокусы и не анекдоты. У него в голове работает какой-то дефектный, но очень смешной Т9. Обычные вещи в его исполнении звучат как новости из параллельной реальности.

Фатей — мастер «лингвистического дрейфа», настоящий лингвистический блендер. Это как если Толковый словарь умножить на генератор случайных чисел. Он не просто говорит, он пересобирает слова на ходу, причём делает это очень виртуозно.

— Колян, — шептал он мне на уроке, — меня эта мате-мачиха сейчас доконает! Опять эти цифры не в ту сторону шкандыбают и мысли телепаются, как сопли на ветру. Пошли лучше в аквариум на глупёшек пялиться, они хоть не заставляют иксы искать.

Для Фатея, математика — это не наука, а злая женщина, которая заставляет его страдать.

Зато на «визг-культуре» он чувствует себя как рыба в воде. Именно так он называет физкультуру, потому что стоит нашему классу зайти в спортзал, как Оля и Юля (наши Суслики) начинают издавать звуки на такой частоте, что у меня в ушах срабатывает аварийный клапан.

Для него мир всегда проще и честнее. Если у соседа злая

собака — значит, это арчавка.

А когда наш школьный водитель Роман Яковлевич застрял на машине, Фатей стучал по столу ручкой и выбивал морзянку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.